

АНТОН ЧИГУРОВ

23.35

Антон Чигуров

23.35

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23303608

ISBN 9785448388835

Аннотация

Закрытый город. Секретное предприятие. Ужас вырвался на свободу после страшной техногенной катастрофы. Что противопоставят обычные люди надвигающейся угрозе...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	68

23.35

АНТОН ЧИГУРОВ

© Антон Чигуров, 2017

ISBN 978-5-4483-8883-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Фой проснулся рано. Обычно он позволял себе нежиться в объятиях сна на час или два больше. Но только не сегодня. Он знал, что-то должно произойти, и после всё должно измениться. Он чувствовал волну изменений, но не мог понять, как это повлияет на него. Вода нежно гладила пупырчатое тело с множеством отростков. Да, когда-то он был другим, но это в прошлом, и ничто не заставит его вернуться к тому, что было сорок лет назад.

В первый момент после аварии он испугался. Сильный взрыв выбил из него остатки сознания, оставшиеся после понимания того, что только что произошло. Когда Фой очнулся, он стал другим. Он смог по-другому посмотреть на произошедшее. Он не был жертвой, отнюдь, авария была его спасением, и спасением тех, кто был с ним. Фой хорошо помнил глаза напарника, когда тот осознал, что назад дороги нет, как нет и времени даже сказать прощай. Всего секунда, но какая долгая. Тут не то, что попрощаться стихи друг другу можно успеть прочитать. Но они оба промолчали, а потом яркая, ослепляющая вспышка. Он не видел свою жизнь, она не промелькнула у него перед глазами, может быть, потому что как таковой её никогда не было. Темнота, которая длилась долго, темнота которую можно потрогать. Он хорошо помнил её густоту и холод, который она источала, словно

огонь тепло. В тот момент он осознал свою истинную сущность. В тот момент увидел новый путь, по которому предстояло идти.

Прошло сорок лет. Первые десять ему было хорошо. Он не предпринимал никаких шагов, он наслаждался одиночеством. И как можно не наслаждаться полной свободой разума. Не было больше никаких границ, он стал абсолютно свободен. Эти десять лет пролетели, наверное, быстрее одного дня, которые в прошлом тянулись чуть ли не вечность. Он отыскал этот бассейн, который оказался наполненным. Фой не знал, для чего его использовали, до того, как он стал его обитателем, но планировал узнать. Потом. Все десять лет он вынашивал план. Он собирался менять мир. Да не много не мало менять мир. И ему это было по силам. Следующую декаду Фой готовился к первой стадии перемен, он искал себе помощников, он тщательно отбирал особых экземпляров, и ему долгий период везло, была всего одна осечка, но он предпочитал относиться к ней как к исключению, подтверждающему правилу. Он окружал себя кусочками цивилизации, и кусками плоти. О, боже, они считали себя разумными, как мило, разумными. Да, развитые инстинкты, не более. Вот он Фой, абсолютно разумен. Как же иначе, он видит, то, что не подвластно другим. Он один такой. О чем, кстати, ничуть не жалеет. Бог должен быть один.

Фой любил тишину своего бассейна, она позволяла ему слышать воду. Каждый всплеск. Вода это жизнь, бесконеч-

ный источник знаний энергии, потому и жизнь. Ему не нужно было ничего кроме знаний и энергии и их ему вполне хватало для существования. Вода помнит всё, все, что было здесь до прихода Фоя, через воду он может управлять некоторыми процессами там, наверху, куда ему путь пока заказан. Но он и не торопится, впереди много времени – почти вечность. Ещё двадцать лет он потратил на совершенствование инструментов для перемен в мире. И вот настал момент, о котором Фой долго рассуждал в длинных беседах со своей сущностью и который станет последней отправной точкой на пути к новому миру.

Скрежет, прорезавший идеальную тишину помещения, раздался совсем не вовремя. Дверь в дальней стене не открывали очень давно. И сейчас, она, оснащённая автоматическим механизмом, ползла в сторону. Фой с досадой ударил одним отростком по воде. Он почти уловил неподдающуюся с утра мелодию всплесков, которые определено что-то значили, но теперь всё потеряно, мелодия больше никогда не повторится. Однако он моментально взял контроль над собой. Произошло что-то значимое, иначе бы ту дверь никогда не стали бы открывать. Это просто ни к чему, есть намного более удобные подходы к его бассейну, нет смысла блуждать по коридорам. Фой не удивился тому, что произошло, что-то нестандартное, он этого ждал. Он скорее удивился тому, что он ждал гораздо менее неожиданного, чем то, что случилось.

Глава 1

За два дня до сдачи экзамена на рабочее место, Вадик не был готов ни на йоту. С одной стороны, конечно, стыдно, что он не знает ровным счётом ничего из требуемого материала, а с другой, зачем учить шифры вентиляей, которые не используются в цехе. В тетради их больше ста штук, половина просто не нужна. Банальный аппаратчик, в обязанности которого входит крутить эти пресловутые вентиля и отбирать пробы из колодца, так для чего знать обвязку аппаратов и основы химии, пусть и школьной программы. Раз за разом открывая тетрадку с вопросами и ответами, он ловил себя на мысли, что всё меньше остаётся у него в голове. Вадик понимал, что пришёл работать на серьёзное предприятие, где важно быть оперативным и досконально знать свои обязанности, вот именно свои обязанности. Не обязанности оператора или инженера-технолога, только свои. Он отложил тетрадь в сторону, всё бесполезно, он знал, что будет учить в последнюю ночь перед экзаменом и заснёт с открытой тетрадкой в руках. Может комиссия сжалится, и половину вопросов опустят, вот было бы прекрасно, пусть порядки приёма изменятся как раз перед его сдачей, разве это так много. Знать бы заранее, что бы не учить, не терять время. К сожалению заранее известно, что надо учить, а иначе пересдача, потом вторая, а потом мягкая просьба уйти по собственно-

му желанию или перейти в службу очистки и неизвестно что из этого лучше.

Вадик отложил тетрадь, необходимо собраться с мыслями, пока не заснул над этими иероглифами. Нужно заставить себя учить, надо сдать чёртов экзамен послезавтра, и потом спокойно работать, не вспоминая обвязки прочую ненужную информацию из тетради своего предшественника. Он встал и подошёл к единственному окну маленькой комнаты, именуемой архивом, хотя стоило назвать макулатурная. В этом беспорядке чёрт ногу сломит, если понадобится найти нужный документ или схему. Благо надобность в этом отпала, иначе все эти бумаги в беспорядке расположившиеся на стеллажах, пылились бы в другом месте. На улице бескрайне властвовала зима, с неба в беспорядочном порядке валились крупные снежинки, и казалось, что даже из-за стекла можно рассмотреть узор на каждой из них. Ветер подхватывал их и бросал в разные стороны, снежинки совершали затайливые пируэты и исчезали из виду, предоставляя свободное пространство следующим морозным звёздочкам. Вадик взглянул на часы, половина шестого, домой ещё не скоро. Хорошо, что пропустили работать в смену, даже без сдачи экзамена, так гораздо спокойнее. В смене всего пять человек, нет толпы дневников, нет начальства стоящего над душой и регулярно проверяющего, как продвигается обучение. Но, наверное, для каждого главный плюс работы в смену – более высокая заработная плата, двойная оплаты в празд-

ники и выходные, доплата за ночные. Он отошел от окна и в очередной раз измерил шагами архив, где сидел уже третью неделю, глядя в тетрадь и не запоминая ровным счётом ничего. Но зачем обманывать, что-то конечно Вадим помнил, он на зубок знал назначение цеха номер 23 – переработка отработанного ядерного топлива, если говорить проще – они *остекловывали* грязные отходы со всего мира.

Основное рабочее место аппаратчика – щит управления печью, в которой и происходит непосредственно остекловывание отходов, каким именно образом для Вадима было и, скорее всего, останется загадкой. На щите сейчас и находилась большая часть смены – два оператора, киповец и начальник смены. Ещё мог присутствовать аппаратчик из соседнего здания – вечно жалующийся на жизнь Максим Корнев, он приходил попить чайку и сразиться в нарды с Эдиком Поповым. Макс, не смотря на солидный возраст, ему было около сорока, обладал отменным физическим здоровьем, недавно он рассказывал историю о том, как его подвели грузчики, и ему пришлось в одиночку затаскивать стиральную машинку на седьмой этаж. Лифт пока ещё не включили, поскольку дом новый, и соседей по этой же причине не было. Он совсем недавно купил квартиру в новостройке, и теперь разговоры были только ремонте и о проклятых строителях, которые до сих пор не могут завершить все работы по отделке дома. Эдик прямая противоположность Максиму – жизнерадостный, неунывающий мужчина средних лет, готовый об-

суждать любую тему с кем угодно, даже не будучи сведущем в данном вопросе. Эдик много курил, напоминая пожизненно дымящую заводскую трубу, на восьми часовую смену ему не хватало пачки сигарет, из-за чего его речь частенько прерывалась приступом надрывного кашля, который мог продолжаться несколько минут. Эта парочка могла играть в нарды всю смену напролёт, иногда им приходилось бегом бежать на автобус с работы, поскольку счёт был равным, и никто не хотел уходить, предварительно, не надрвав задницу сопернику. Второй оператор по подготовке продукта уже немолодой, почти пенсионного возраста, молчаливый по большей части, Анатолий Петрович. Вадиму казалось, что Петрович замышляет что-то. Но вот что было покрыто мраком. После разговора с Эдиком, выяснилось, что тот придерживается такого же мнения о своём коллеге. С киповцем, вышедшим из отпуска меньше недели назад, Вадиму ещё не удалось, пообщаться и познакомиться. Но если верить остальному коллективу смены звали его Сергей и человек он неплохой. Вадим сомневался, что сможет нормально пообщаться с электрических дел мастером. В обязанности сменного киповца входил мелкий ремонт электровентилей и замена лампочек на пульте управления. Поломки случались крайне редко, и потому большую часть смены Сергей не выходил из своей комнаты в дальнем углу щита управления, предаваясь там излюбленному занятию – сну. Частенько на щит заглядывал начальник смены – Сергей Елисеев, в народе просто Нико-

лаич. Он не интересовался нардами, он скорее присутствовал тут от скуки, сидеть в кабинете одному всю смену действительно тяжело, особенно, когда на щите есть телевизор, в принципе запрещенная по внутреннему уставу вещь.

Вадик вернулся на широкую скамейку, застелённую для удобства телогрейками, и взял в руки тетрадь, ему показалось, что весит она никак не меньше десяти килограмм, ещё и держать стало как-то неудобно. Ну, вот опять стоит взглянуть на текст, как глаза сами собой закрываются, и сильно клонит в сон. Все как один заявляют, что сдать раз плюнуть и что надо просто несколько раз прочитать, что всё понятно и без натужной зубрёжки. Вадик не мог не согласиться с этим, но всё понятно, когда вот непосредственно читаешь, но стоит закрыть тетрадь и представить, что ты на экзамене, как всё, ничего в голове не остаётся. Нет, сейчас невозможно что-то запомнить, вот если выпить слегка кофе или на крайний случай чаю, тогда да есть небольшой шанс, что в голове отложится хоть какая-то часть информации, и он не будет выглядеть на экзамене полным идиотом. Вадик поднялся и потянулся, в спине неприятно хрустнуло, вот тебе и на, двадцать с небольшим и уже спина хрустит. Тетрадка, лежавшая на коленях, упала на пол и открылась такое ощущение, что в укор ему на странице с одной из самых сложных обвязок. Вадик смерил её взглядом, подобным взглядом смотрят на только что раздавленного таракана, хозяева квартиры, понимая, что одним трупом здесь не отделаться, скорее всего,

будут сотни, а то и тысячи ему подобных. Сдержав отвращение, фантазия разыгралась не на шутку, Вадик наклонился за импровизированным учебником и, свернув в тугую трубочку, засунул в карман белого комбинезона. Он на всякий случай проверил в нагрудном кармане пропуск на территорию завода, без него он домой вернётся с большой задержкой, и, понуриив голову, поплёлся на щит. Хорошо, что идти не долго, от долгого пребывания в одном положении ноги затекли и теперь сильно болели. Хотя, может это лень сказывается.

Стоило открыть дверь, ведущую на щит, как ему на голову свалилось около тонны, если переводить на материальные величины, жизни, состоящей из разговоров сменщиков и шума телевизора. После гробовой тишины архива, Вадик с непривычки ненадолго потерял ориентацию в пространстве. В себя его привела стрельба. По телевизору, который показывал два канала, один из которых шёл без звука, показывали очередной боевик, про очередного супергероя с гипертрофированно накаченными мышцами. Для своей массы он просто чрезвычайно скоростной, успевает и от пуль увернуться и по противнику стрелять. Ещё немного и он спасёт девушку, которую необходимо спасти, непонятно зачем, просто необходимо. Вадим улыбнулся. Вот бы ему так же лихо отвечать на экзамене, как сейчас на экране мускулистый актёр расправляется с выдавшем виды каскадёром. Вот ведь, насколько пресловутый экзамен завладел разумом, это

становится похожим на преследование или на поиск смысла жизни. Помимо громких звуков на щите горел яркий свет. Горел всегда, даже в ночную смену, хотя по большей части работы в ночь не было, всё успевали доделать дневники и вечерники, так что ночникам оставалось только наблюдать за процессом, проще говоря, отсыпаться, пока есть возможность. Вадик зажмурился, в архиве работала только одна лампа, её не хватало для нормального освещения, и вошёл на щит.

– О, стажёр! – радостным возгласом встретил его начальник смены, восседавший на табуретке, прямо напротив телевизора. – Как успехи, продвигаемся в обучении?

– Продвигаемся... – неправда далась легко. Он прекрасно понимал, что никто не будет его спрашивать. Николаич увлечён телевизором, Макс и Эдик играют в нарды. Анатолий Петрович сидит за рабочим столом и изучает местную бесплатную газету. – Хоть и понемногу, – немного компенсировал Вадик неправду отдалённым намёком на честность.

Николаич ничего не ответил, что и требовалось доказать. Он продолжил смотреть кино, нардисты тоже не обратили никакого внимания на невесть откуда взявшегося аппаратчика, полностью увлечённые нехитрой игрой. Вадик прошёл к рабочему столу, возле которого покоился электрический чайник, по пути он остановился возле своего небольшого сейфа, где хранились нехитрые принадлежности для чаепития – кружка, сахар и непосредственно чай в пакетиках, ко-

фе, к сожалению, успел закончиться, а Вадик не горел желанием прослыть попрошайкой. Он бросил в кружку пакетик чая и насыпав три ложки сахара, достиг конечной точки маршрута. Чайник оказался горячим, и будущий аппаратчик, не теряя ни секунды, наполнил кружку кипятком.

– Ну что, студент, всё выучил? – Анатолий Петрович повернулся к нему вполоборота. – Как тебе почерк Эдика, не сильно напрягает?

Вадик никак не ожидал, что Петрович заговорит с ним, и потому несколько секунд не мог найтись с ответом. Он вообще не ожидал, что тот заговорит, а тем более на тему учёбы.

– Да нет, не напрягает особо, – Вадик постарался ответить как можно более равнодушно, давая понять, что не настроен на длительный разговор. – Просто маэстро-каллиграф.

Анатолий Петрович засмелся.

– Маэстро-каллиграф, смешно, действительно смешно.

Вадик счёл нужным не комментировать последнее высказывание, и, взяв со стола кружку, отправился к телевизору, досмотреть кино и выпить чай. Анатолий Петрович, несмотря на то, что был самым тихим в смене, напрягал его больше всего. И действительно иногда казалось, что этот немолодой, полностью седой мужчина, чаще всего сидевший в стороне от основных событий, что-то замышляет. Эдик говорит, что так было не всегда, что раньше Петрович вполне нормально общался со всеми, даже мог составить компанию в нарды или

в карты, но около года назад он как будто, застрял в себе, как выразился Эдик. Вот и сейчас, постоянно молчавший оператор, не с того не с сего начал задавать ему вопросы. Как раз когда не надо. Но успел поймать спиной ещё один вопрос.

– Как думаешь, сдашь?

– Скорее всего, нет... – вырвалось у Вадика, о чём немедленно пожалел. Нет, не о том, что не сдаст, а о том, что последует ещё один вопрос. Так оно и получилось.

– Почему так? – искренне поинтересовался Петрович. – Ты боишься?

Ага, мысленно ответил Вадик, ещё спроси, не хочу ли я поговорить об этом, только вот я психиатра не заказывал. Вслух он ничего не ответил, но было поздно.

– Может помочь чем? Ты спрашивай, не стесняйся.

Вадик вместо ответа просто пожал плечами и продолжил путь до свободной табуретки возле телевизора. К несчастью разговор долетел до ушей Эдика, а тот промолчать не мог ни под каким предлогом.

– Жопу ему покажи! – Эдик заржал, как заправский скакун. Он ненадолго оторвался от игры, пока Макс раздумывал, куда поставить фишку, и тут же вернулся в игру. – Максим! Пока ты думаешь, кубики сгнут.

Петрович проигнорировал выпад Эдика, к такому поведению все давно привыкли. Ну а за одним он и Валику потерял интерес. Так что ожидания не оправдались и разговор всё-таки закончился, кубики вновь застучали по доске, Анато-

лий Петрович, будто Вадима и вовсе не было вернулся к изучению газеты, а сам виновник короткого диалога водрузился на табуретку и уставился в телевизор. Фильм подходил к концу, герой вышел на след главного злодея, устраняя на пути препятствия в виде телохранителей весьма крупного размера.

– Макс! – раздался возмущённый голос Эдика. – Сколько можно думать!

– Я в отличие от некоторых хожу правильно, – не отрываясь, от доски ответил аппаратчик. – А ты уже не раз был замечен...

– Не больше всех остальных! – Эдик всегда говорил громко и звонко, наверное, считал, что слышать его должны все вокруг. – И вообще, чего возмущаешься, ведь выигрываешь, чем недоволен?!

– Для порядка, – Максим, поболтав в руке кубики, бросил на доску и опять задумался. – Не дай бог начнёшь мухлевать, я тогда за себя не отвечаю.

Пока они перепирались, Вадим успел выпить половину кружки и вникнуть в нехитрый сюжет боевика, благо главный герой каждые пять минут повторял его, как поцарапанный диск. Отхлёбывая в очередной раз, Вадим заметил торчащую из кармана трубочку – тетрадку. Он опять представил раздавленного таракана, и его передёрнуло. Наверное, это неправильно, надо представить не мёртвое насекомое, а например букет красивых цветов, нет, это для девушки, ну

тогда то, что он любит больше всего, что может уместиться в карман комбинезона. Тогда и учёба пойдёт лучше, и может быть он и сдаст с первой попытки. Нельзя говорить, конечно, что он не знает совсем ничего, несомненно, что-то отложилось, но этого будет явно недостаточно для сдачи даже удовлетворительно. Вадик глубоко вздохнул, чай уже почти кончился, знаний не прибавилось, но по-крайней мере никто не доставал вопросами. Он поставил пустую кружку обратно в сейф. Чай с каким-то фруктовым ароматизатором оставил приятное послевкусие, Вадим отметил, что и впредь стоит покупать именно такой. Он с тоской оглядел людей свободных от проблем со сдачей, просто со сдачей и вышел обратно в архив.

На обратном пути Вадик постарался перебрать в уме шифры вентиляей, вспомнил не больше десятка, это расстроило его ещё больше. Интересно, как он будет выглядеть на экзамене трагично или комично, и в чём разница в этих понятиях. Он посмотрел на часы, ещё три свободных часа, а потом душ, переодеться и домой. Надо пересилить себя и заняться тетрадкой. Уже поздно делать, как советовали ему оба оператора – переписать весь текст в тетрадку, пока переписываешь, сумеешь многое запомнить и потом свой почерк читать много проще, чем, того же маэстро-каллиграфа. Остался позади шум человеческого существования и яркий свет. Длинный полутёмный коридор, по которому Вадик предстояло пройти каких-то тридцать метров, заканчивался

через несколько шагов после архива мужским туалетом. Туалет был один, поскольку женщины у них в цехе не работали. Шаги, не смотря на мягкие тапочки, гулким эхом раздавались по коридору, тут незаметным не пройдёшь, если только ты не умеешь летать или вешишь чуть больше микроба. Вадик оглянулся, на другом конце коридора кабинет начальника смены, через закрытую на ключ дверь пробивается тонкая полоска света. Вадик оценивающе посмотрел на высокий потолок, попробовать в очередной раз допрыгнуть. Он разбежался и вытянувшись в тугую струну, оторвался от земли. Но опять осталось несколько сантиметров. Вадик особо не расстроился, ему всего двадцать три, а значит, есть шанс немного вырасти. Только шансов остаться здесь у тебя немного, мрачно напомнил внутренний голос. Да ну тебя, зануда. Даже если и не сдам, ещё две попытки будет. В конце концов, я же не на оператора сдаю, не будут они меня настолько серьёзно гонять, как того же Эдика, у страха глаза как говорится велики.

Он свернул в архив, хорошо, хоть свет не выключил, а то уже совсем стемнело, сейчас тыкался бы наугад, как котёнок только что родившийся и у которого в задачах-максимум отыскать мамкину сиську. Аккуратно прикрыв за собой дверь, Вадик закрыл её на щеколду, не для того, чтобы обезопасить себя от вторжения незваных гостей. Дверь была хорошо смазана и от малейшего сквозняка открывалась и, ударившись о стену, летела обратно, хлопала о косяк и дальше

несколько минут в таком же порядке. А, учитывая акустику коридора, шум стоял невероятный, в первую очередь мешавший самому Вадику. Он не знал и как относится к архиву, с одной стороны ему нравилось здесь находиться, никого нет, сиди и учи, но именно в этом и проблема, учи, уже бесит это слово. Он лёг на широкую лавку и закрыл глаза. Чуть-чуть расслабиться, вот что сейчас надо, а потом, выучить, он сможет. Вадик положил тетрадь на грудь, может знания впитаются хоть так, или лучше положить на голову...

Вадик долго не мог открыть глаза. Такое ощущение, что он парализован. Но это не так, он нутром чувствует, что абсолютно здоров. Он чувствует, что его куда-то тащат, нет, тащат неправильное слово, его транспортируют. Он не чувствовал прикосновений рук, не чувствовал под собой жёсткости каталки. Но факт оставался фактом, он перемещался и не по собственному желанию. Но и не против воли. Он не знал сколько времени заняло перемещение, но, скорее всего не очень много. Он не успел заскучать. Вадик вновь попытался открыть глаза, когда понял, что транспортировка завершилась. Ему нравились эти слова и их сочетание. Транспортировка завершилась. Как высокотехнологичная песня. Но глаза так и не слушались. Зато сквозь тишину отчётливо прорезался голос, ведущий обратный отсчёт. Тридцать один... Тридцать... Двадцать девять... Казалось, что голос находится в какой-то металличе-

ской бочке. Он звонким эхом отражается от стен и врзается в уши. Не больно, но ощущение не из приятных. Особенно учитывая, что других ощущений нет, было чувство транспортировки, но и оно исчезло.

Семнадцать... Шестнадцать... Пятнадцать...

Вадим почувствовал чьё-то присутствие. Он силился открыть глаза, но они упорно продолжали играть роль парализованных. Лёгкий ветерок прошелестел возле правого уха, так бывает. Когда кто-то проходит мимо. Но не шагов, не шелеста одежды он не услышал.

Семь... Шесть... Пять...

С каждой цифрой голос становился мягче, может, конечно, он просто привык к нему. Человек вообще ко всему привыкает. Теперь чувство дискомфорта уступило лёгкому любопытству и что же дальше когда будет ноль, вариантов не было ни одного.

Три... Два...

Ну вот и всё, скоро голос пропадёт и история продолжится.

Один...

Всё смолкло. Вадик ничего не чувствовал и не слышал. Он попробовал что-нибудь сказать, но рот, как и глаза, отказывался подчиняться хозяину. Внезапно что-то холодное коснулось его живота. Мышцы на секунду свело судорогой. Было не больно, но холод был настолько сильный, что Вадик беззвучно ойкнул, благо продолжалось это не долго, все-

го несколько секунд. Потом, как сквозь туман до него донеслись голоса, незнакомые, он не слышал их прежде. Спустя некоторое время голоса стали громче, как будто кто-то постепенно приближался, и Вадик поймал себя на мысли, что не может определить, кто говорит мужчины или женщины, или же женщина с мужчиной. Голосов определённо было больше двух, они вели диалог, но были абсолютно одинаковые, совершенно без каких либо отличительных признаков, так могли говорить оба пола.

Вадик потерял счёт времени, он не мог даже приблизительно определить, сколько он находится в странном месте, Он отчётливо слышал речь, но не понимал ни слова из того, говорят. Может оттого, что лежал без единого движения, может из-за того, что не понимал говоривших, а может ему просто так казалось, время тянулось крайне медленно. Наконец говорившие начали удаляться от парализованного Вадика. А на него самого навалилась невесть откуда взявшаяся свинцовая тяжесть, она заполняла тело, начиная со ступней, понемногу поднимаясь всё выше и выше. Ему начало казаться, что тело весит уже чрезмерно много и ему стоит попробовать себя для книги рекордов, как самого тяжёлого человека. Вот тяжесть добралась до желудка, сдавила кишки, Вадика нестерпимо захотелось в туалет, причём по обеим причинам. Но странная волна и не думала останавливаться. Интересно выдержит ли его то, на чём он в данный момент лежал, ему живо предста-

вилось, как прогибаются ножки у металлического столика, на котором он лежал. Почему именно металлического он не знал, просто так оно обычно бывает, что столик металлический, так всегда в кино показывают. Немного страшно, что будет, когда тяжесть доберётся до головы, вдруг череп не выдержит. Желудок выдержал, а череп не выдержит, маловероятно. Вадик показалось, что он может немного двигаться. Большой палец левой руки слабо отозвался на желание шевельнуться. Но Вадик не спешил приводить в движение руки, в первую очередь он открыл глаза и...

Ослеп бы, если не проснулся. Свет был очень яркий, у него несколько минут после пробуждения перед глазами плавали пятна, переливаясь всеми цветами спектра. Вадик судорожно огляделся, тело его слушалось, никакой тяжести не было и в помине. Он лежал на широкой скамейке, на телогрейках, в помещении архива, где и должен был находиться, поскольку именно тут и отошёл ко сну. Какой странный сон, что интересно он хорошо запомнил всё, что происходило, до мельчайших подробностей. И странные разговоры, и холод в области живота и страшную тяжесть, сковавшую его перед пробуждением. Вадик сел на скамейке и посмотрел на часы, ого проспал почти три часа, уже пора переодеться и на автобус. Он поискал глазами тетрадку, её нигде не было. Что за чёрт, ведь он точно помнил, как положил её на грудь, перед тем как отрубиться. Он нагнулся и загля-

нул под скамейку, вот она, ненавистная, видать упала, когда он ворочался во сне. Вадик поднял тетрадку и, сладко потянувшись, резко встал на ноги. Пора домой. В этот момент в дверь архива постучали.

– Эй, стажёр! Ты как там не заснул? – Николаич, надо же подсуетился, что бы не забыть новенького. Однако, похоже, что забыл, что у Вадика есть имя. – Мы уже как бы домой собираемся. Давай не задерживайся!

– Иду! – крикнул Вадик.

А сам опустился на скамейку и прислушался, постепенно шаги Николаича стихли. Вадик чувствовал себя на все сто процентов, он не был настолько полным сил, да он уже и не помнил, когда ещё испытывал такую свежесть в голове. Может это один из тех снов, когда на человека спускается что-то свыше, помечая своей печатью. Может на него возложили какую-то миссию, а возможно вот так вот сходят с ума. Это всего лишь сон. Но почему же тогда у него такое ощущение, что сон был реальнее того, что происходит сейчас. А может статья, он до сих пор спит, это такое продолжение. Ну, уж нет, он ещё в силах отличить реальность от грёз, в каком бы состоянии не находился, а сейчас он вполне во вменяемом состоянии.

Как бы там не было, но пора выдвигаться, необходимо успеть принять душ, ещё немного промедления и времени совсем не останется. Спустя пятнадцать минут Вадик стоял под душем, тёплые струи воды под сильным напором вы-

мывали из его памяти остатки странного сна, с каждой секундой он помнил всё меньше и меньше и уже на остановке, остались лишь частицы, какие обычно остаются после подобных сновидений. Немного ощущений и немного графических воспоминаний, из которых порой трудно сложить цельную картинку. К тому моменту, как он переступил порог квартиры, его оставило и ощущение бодрости, всё стало как обычно. И это его вполне устраивало.

Глава 2

Неунывающие американцы из Green Day были как раз кстати с утра, проснуться под бодрый калифорнийский поп-панк гораздо проще, чем заставить себя начать новый день вместе с противным пиканьем обычного будильника. Вместо последнего Вадик использовал телевизор, запрограммированный на круглосуточный музыкальный канал. Вот и сегодня телевизор послушно включился около восьми утра, хотя это и было совсем не обязательно, на работу только завтра. У Вадика ещё целые сутки, что бы подготовиться к сдаче. Но почему-то он заранее знал, то даже не откроет сегодня тетрадку, а завтра просто пообещает всё выучить следующему разу. Так будет проще, он пока не готов чисто с моральной точки зрения, ему надо ещё пару недель пообщаться на заводе, лучше узнать географию.

С такими мыслями он встал с постели и прошёл на кухню, вчерашний сон совсем забылся, но какая-то бодрость всё-таки осталась. По-крайней мере он легко проснулся, не испытывая желания ещё полдня проваляться в постели. По пути он посети совмещённый санузел, отметив, что, несмотря на крепкий сон, совсем не выглядит помятым. Ополоснув холодной водой лицо, Вадик продолжил недолгое путешествие на кухню. Там он по обыкновению заварил быстрорастворимый кофе, и пока вода закипала, закинул в тостер два

куска хлеба. Через пару минут Вадик сидел напротив телевизора и щёлкал каналы. Утро четверга смотреть катастрофически нечего и это притом, что у него кабельное телевидение, включающее в себя больше сорока каналов.

Вадик жил в однокомнатной квартире в многоэтажном доме, доставшейся ему в наследство от прадедушки по отцовской линии. Родители уехали жить в областной центр, в городе у Вадика родственников больше не было. Раз в несколько месяцев он навещал предков, по большей части, стараясь не попасть на семейные праздники, что тут утаивать не любил торжества в кругу семьи. Эти извечные разговоры про политику и про то из чего сделан салат, который подают из года в год один и тот же. У Вадика почти сразу начинала болеть голова на этих сборищах и потому он старался заранее поздравить родителей с очередным днём рождения или годовщиной и не париться за общим столом. Соседи попались по большей части люди нормальные, напротив жила семейная пара с двумя детьми, они, конечно, иногда поругивались, но Вадика не сильно коробили семейные скандалы, он был не из тех, кто на каждое матерное слово вызывает наряд из дежурной части. Непосредственно за стенкой в большой двухкомнатной квартире обитал мужик средних лет, постоянно находящийся в разъездах, Вадик видел его настолько редко, частенько забывал, как тот выглядит, и не здоровался при встрече, сосед на него не обижался, сам всё прекрасно понимал. Учитывая, что жил он последнем этаже стан-

дартного пятиэтажного дома, то само собой сверху его никто не беспокоил.

По ходу переключения каналов он наткнулся на местные новости. Шёл криминальный блок. Диктор, пожилая пресс-секретарь городского УВД, сообщала о странных событиях на берегу озера Янтарное, на котором уютно расположился заозёрный. В течение вчерашнего вечера в районе городского пляжа, было найдено три трупа, все мужчины от двадцати пяти до тридцати лет, без признаков насильственной смерти. Далее следовали фотографии, к счастью, Вадик не узнал ни одного. После вскрытия, которое обещало пролить свет на загадочную смерть, пресс-секретарь пообещала, что сообщит о продвижении расследования. Вместе пили и траванулись, такое часто бывает, с другой стороны признаки отравления, как правило, на лицо. Ну, да это дело следователей, медэкспертов и остальных правоохранительных специалистов.

Вадик выключил телевизор и отпил большой глоток кофе. Тотально нечего смотреть, даже жалко деньги, которые он исправно каждый месяц отдаёт за кабельное, пусть и не большие, но всё же деньги. Он вышел в подъезд и спустился до почтового ящика. Ничего кроме свежей газетёнки, как раз та, что вчера на работе изучал Анатолий Петрович. Он вернулся, и, допивая кофе, прочитал рассказ вакансий, он не собирался менять работу, это действовал грядущий экзамен, он из подсознания напоминал о себе вот таким вот способом.

В итоге день затянулся. Вадик принципиально не открывал тетрадку, несмотря на то, что взял её с работы. Он искренне полагал, что в последний день перед сдачей нельзя забивать голову информацией как-то связанной с предстоящей проверкой. Его не пугала комиссия из пяти человек, которая помимо начальника смены и директора отдела техники безопасности, которые в принципе, как ему рассказывали, заваливать не будут, состояла из начальника цеха, руководителя отделения и главного инженера-технолога. Вот последние трое и должны, по словам Эдика, сотоварищи разрушить все планы Вадика скоропостижную сдачу. Особенно один, Вадим, хоть и никогда прежде не встречался с ним, невзлюбил его заочно. Руководитель отделения Некрасов Владимир Владимирович. Он любитель задать вопросы, которых даже и тетрадке могло не быть. Мол, хочешь работать должен сам некоторые подводные камни разыскать, спрашивать у бывалых, внимательнее читать должностные инструкции. Вадик, как впрочем, и многие остальные считал такие вот методы, мягко говоря, никчёмными, он аппаратчик, не оператор, и уж тем паче не инженер-технолог. Но ничьи слова ещё не долетели до ушей Некрасова, и маловероятно, что и Вадик сумеет достучаться. Поэтому со спокойной душой, Вадик выложил тетрадку на тумбочку, что бы не забыть взять её завтра на работу и благополучно забыл о завтрашнем дне.

Завтрашний день наступил быстро, хотя и выходной тянулся крайне медленно. Верно говорят время пролетит быст-

ро, но мало не покажется. Вадик почти не спал, не мог заснуть, не потому что волновался, а просто старался немного оттянуть время своего позора. Сначала посмотрел кино по первому каналу, затем переключил на Дискавери и посмотрел несколько выпусков подряд про строительство небоскрёбов в Токио. Не то, что бы интересно, но и не отталкивающе. Телевизор, наверное, даже не успел остыть, как ему пришлось опять будить хозяина. Нынешним утром Вадик уже не чувствовал себя таким бодрым, как вчера. Он даже не стал заваривать кофе и делать тосты, предпочтя поваляться в постели лишних полчаса. Уже непосредственно перед автобусом, вылез из постели, и даже не чистив зубы, отправился на работу. Он как мог, тянул резину в раздевалке, неожиданно решил принять душ, и уже когда он шёл по коридору, отделяющему раздевалку и непосредственно цех, он почувствовал странную уверенность в своих силах. Пришло окончательное понимание неизбежности происходящего, какой смысл бояться неизбежного, теперь уж точно будь что будет. Первым делом по прибытии на работу Вадик решил зайти непосредственно к Некрасову, сделать заинтересованный вид и спросить, во сколько начнётся экзамен, может, удастся хоть немного сгладить отношение к своей персоне.

Кабинет руководителя отделения находился в том же здании, где и непосредственно щит, являющийся рабочим местом Вадика. Он всё-таки немного струхнул и сперва зашёл

на щит, поприветствовать смену. Первым кого Вадик увидел, был Анатолий Петрович, он стоял посреди большого помещения, и, сложив руки на груди, по всей видимости, изучал белую стену впереди себя. Вадик усмехнулся про себя, философ, чтоб его. Он постарался, как можно тише пройти за длинный ряд шкафов, за которым находились личные сейфа и непосредственно телевизор, который по понятным причинам не включали в утренние смены. Все остальные, наверное, там и были, кроме, пожалуй, начальника смены. В утренний смены он должен был находиться у себя в кабинете, а на щите появляться только в случае производственной необходимости. Проскочить не получилось, Петрович заметил его и резко повернулся.

– Ага! Готов? – улыбаясь во весь, рот спросил он. – Я чувствую, что ты сегодня сдашь.

– Здесь наши мнения расходятся, в абсолютно разные стороны, – быстро ответил Вадик и юркнул за спасительные шкафчики. К счастью там никого не оказалось.

Вадик открыл сейф и уставился на его содержимое, как будто в последний раз. Кружка, которую он вчера благополучно забыл помыть, несколько пакетиков чая, остатки сахара. Несколько журналов со сканвордами, ничего нового он не увидел, да и не собирался, просто, уже сам того не замечая, он старательно продолжал оттягивать час икс. Интересно, где Эдик и таинственный киповец. Ну первый наверняка нашёл свободные уши и балаболит, повествуя о сво-

ей вчерашней попойке, надевая рассказа фантастическими подробностями о количестве выпитого. Ну а киповец так и не собирается, по-видимому вылезать из своей каморки, что ж, по крайней мере не приходится выслушивать пустотелых наставлений. Вадик тяжело вздохнул и закрыл сейф, пора.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович, – голос предательски дрожал, а рука подло вспотела. Вадик надеялся, что руководитель отделения не протянет ему руку в знак приветствия, не хватало ещё, что бы он видел, насколько Вадик волнуется. Но он, конечно, сделал всё как можно хуже. Мало того, что пожал влажную ладонь Вадика, так ещё и рукопожатие затянулось, хотя это Вадиду вполне могло и показать-ся.

– Привет, привет. Проходи, – на первый взгляд он полнее милый человек, Эдику, конечно, виднее, он всё-таки сдавал ему экзамен. Но к каждому сдающему и отношение подобающее. – Уже готов сдавать?

Вадик чуть не сказал правду, но вовремя спохватился и просто кивнул. Соврать всегда легче молча.

– Ну, что я могу сказать... – Владимир Владимирович посмотрел на часы. На правой руке отметил Вадик, вероятно, что левша. – На то, то бы собрать комиссию уйдёт не меньше полчаса, так, что у тебя ещё есть время всё спокойно ещё раз повторить. И я думаю, около десяти можешь подходить. Идёт?

Можно подумать Вадик ответит, нет, меня не устраивают ваши условия, начальник. Я хотел бы предложить не устраивать никакого экзамена, просто начать мне платить премию и всё.

– Само собой, – неискренне согласился Вадик. – Успею ещё раз по конспектам пробежаться.

– Вот и замечательно, – он прямо таки светился от радости, или от предвкушения очередной жертвы. Через час причина станет известна. – Через час мы тебя ждём. Не задерживайся.

– Постараюсь, – отшутился Вадик и повернулся в сторону выхода.

Выйдя в коридор, Вадик провёл рукой по лбу. Рука оказалась мокрой, вот же неприятность какая, надо же так... Плохо, если Некрасов заметил, не смертельно, но хорошего мало. Вадик вернулся на щит, идти всё равно было больше некуда. Там он попросил оставить его в покое на этот последний час. Но Петрович всё же успел вставить, что Вадика не стоит волноваться, экзамен дело уже почти прошлое, что ему сейчас необходимо сосредоточиться на чём-нибудь другом.

– Главное, не бойся и отвечай, как считаешь нужным, каким бы это глупым не казалось.

Вадик уже просто махнул рукой, и, достав тетрадку, удалился к большому окну, возле которого, как правило, собирались всей сменой покурить в начале работы и в кон-

це. Сейчас там никого не было, лишь стояли несколько табуреток, Вадик опустился на одну из них, на другую положил ноги, предварительно сняв ботинки. Он открыл пресловутую тетрадку наугад и принялся старательно читать, пытаясь поглотить информацию, время, от времени поглядывая на часы. Вот бы время бежало также быстро, когда ждёшь чего-то нужного в данный момент. Так нет же, сейчас совершенно незаметно пронеслись сорок пять минут после разговора с Владимиром Владимировичем, осталось каких-то четверть часа до полнейшего опозоривания несчастного стажёра. Интересно, а почему Некрасова нет никакого прозвища, обычно за глаза подчинённые как-то называют своё начальство, как правило, совсем не лестно. А тут только по имени отчеству, не иначе. Страх или уважение, боязливое преклонение, вот как. За такими вот рассуждениями и пролетели эти самые последние пятнадцать минут. Впервые за год Вадик пожалел, что бросил курить, сейчас бы перед экзаменом пару сигарет втянуть, это хоть немного бы успокоило, но обещал самому себе, а такое обещание нужно держать, самообман штука гадкая. Интересно, а то, что он сейчас идёт сдавать этот экзамен, это не самый ли что ни на есть самообман. Вадик зашёл за шкафчики и убрал тетрадку в сейф, на дверце сейфа было приклеено маленькое зеркальце, наследство бывшего хозяина. Его, кстати уволили, за появление в нетрезвом виде. Поговаривают, что он чуть ли не полз через заводское КПП. Так что наследствен-

ность у сейфа не совсем добрая, но Вадик искренне верил, что душа сейфа перерождается с каждым новым хозяином. Вадик мельком взглянул в зеркальце, вроде нормально выглядит, но на всякий случай провёл руками по волосам. Они у него непослушные, для верности надо лишний раз пригладить, чуть-чуть подольше не встанут дыбом от вопросов, что приготовил ему Некрасов.

– Тебя обmaterить как следует? – спросил невесть откуда взявшийся Эдик. – Ты знаешь, это я всегда запросто...

– Нет, спасибо, – покачал головой Вадик. – Попробую обойтись без твоей помощи, но за предложение спасибо.

– Твоя воля, – Эдик поднял руки. – Знай только одно, мы ждём тебя с хорошими новостями и желательно с тортом, который ты всегда можешь купить в заводской столовой, а на сдачу взять чай! – последнюю фразу, начиная с торта, Эдик произнёс как заправский актёр из рекламы средней паршивости.

Вадик улыбнулся, Эдик похлопал его по плечу:

– Особо не напрягайся, мы ещё пару недель без тортика выкрутимся как-нибудь. Так что не горюй, если завалят. Почти никто с первого раза не сдаёт.

Успокаивают, заранее. Вадик горько усмехнулся про себя, значит, точно у него шансов нет. Они то ещё не знают, что он практически ничего не учил, да что там учил, тот процесс, что он каждую смену совершал над тетрадкой, вряд ли можно отнести к разряду интеллектуальных. Так ничего и,

не ответив Эдику, он вышел со щита и отправился напрямиком к кабинету руководителя отделения. Как бы ему хотелось, что бы Некрасов сообщил вдруг ему, что сегодня экзамен никак провести не получится. Или комиссия никак собраться не может, или случилось что-нибудь на заводе, требующее непосредственное участие руководителей всех рангов. Тогда бы Вадик был просто в этом уверен как никогда, он обязательно бы выучил. Ничего, ответил он сам себе, возможность такая сейчас представится, ему дадут две недели на пересдачу, времени просто предостаточно. Учи, не хочу. Вот, именно! Не хочу!

Дверь с легким скрипом открылась, в нос ударил сильный запах дешевых сигарет. Начальство, возмутился Вадик, не могут купить себе нормальные сигареты. Сила привычки, выработанной, когда пределом мечтаний была пачки сигарет «Друг». Вадик услышал негромкий разговор, что-то о печке. Он не один. Значит, скорее всего, комиссия уже собралась.

– Можно? – постучав уже в открытую дверь, негромко спросил Вадик и похоже не был услышан. Он повторил громче. – Можно войти?

Он увидел, как Владимир Владимирович поднимает голову и в упор смотрит на него, некоторое время медлит, а потом, как будто вспоминает, кто это и зачем пришёл.

– Конечно! Проходи, только тебя и ждём. Хорошо, что не опоздал.

– Стараюсь, – улыбнулся Вадик. – Точность вежливость

королей... – ну и зачем он это сморозил, как банально это прозвучало, он чуть не ударил себя по губам.

Вадик прошёл в большой кабинет, ярко освещённое помещение в котором, кроме длинного прямоугольно стола и стульев вокруг, мебели не было. Во главе стола восседал сам Некрасов, ещё четыре человека сидели по его обе руки, двое справа и двое слева. Сидящих слева Вадик знал, один из них был Николаич, начальник его смены. Второй, седой немолодой мужчина, с безумно уставшим выражением лица, хотя, пожалуй, нет, не уставшим, ощущение такое, что все, что здесь сейчас происходит, ему не то что бы не нравится, но лучше бы оказался в другом месте. Это начальник цеха, Вадик не помнил, как его зовут, но прекрасно знал в лицо. Начальник цеха был частым гостем на шите. Справа ближе к Некрасову сидела какая-то женщина, точно не главный технолог, вероятно, она представляет отдел техники безопасности труда. Последним в этой разношерстной кампании, на ком Вадик остановил взгляд – средних лет худощавый мужчина, с настолько обычными чертами лица, Вадиду показалось, что уже давно его знает, или, по крайней мере, часто видел его в городе. Всю комиссии, а это была именно она, объединяла одна общая черта, все, они были одеты в белые мешковатые комбинезоны, точь-в-точь, как на самом Вадике. Это немного сглаживало обстановку, немного приравнивая, друг к другу жертву и экзекуторов. Однако Вадик об этом не думал, он весь покрылся холодной

испаринной, от былой уверенности не осталось и следа. Он опустил на ближний к нему стул и сложил руки на поверхности стола, как истинный ученик, но на самом деле он пытался скрыть банальную дрожь в этих самых руках. Первым заговорил Владимир Владимирович, Вадик от неожиданности вздрогнул.

– Ну что ты сел так далеко, разговор не будет коротким, не будем же мы орать через весь стол, на протяжении всего допроса, – он, должно быть, решил, что это смешно и улыбнулся. Но для кого-то это и есть допрос, причём Вадик не знает что говорить, а значит пытаться его будут или пока он не сдохнет или пока не угадает правильный ответ.

Тихонько скрипнула входная дверь, Вадик на автомате повернулся на шум. В образовавшуюся щель просунулось довольное лицо Анатолия Петровича, Вадик давно не видел его таким счастливым.

– Николаич, я хотел спросить, нам тебя ждать или самим процесс начинать?

Начальник смены отмахнулся.

– Сами начинайте, как будто в первый раз, как дети малые, – Николаич покачал головой. – Ну не терпится им, ещё даже начать не успели, а он уже нос суёт.

– Да, ладно тебе ворчать, Николаич, уже и спросить нельзя, – наигранно обиделся оператор. – Удачи, Вадик! – бодро отрапортовал он Вадику, а тот не поверил ушам, он впервые назвал его по имени, ох, совсем не к добру это произошло.

Дверь, так же тихо скрипнув, закрылась, и Вадик опять остался наедине со своими пятью страхами, в лице комиссии.

– Не стесняйся, двигайся, мы несколько не опасны, – всё пытался как-то разрядить обстановку Некрасов. Заметил видно, что будущий аппаратчик сильно напрягся.

Вадик пересел вплотную к начальнику цеха. Он был готов к позору, к унижению, к справедливой ругани, но только не к этому. Не успела комиссия задать первый вопрос, который доподлинно вогнал бы Вадика в ступор, как случилось нечто, если и не странное, то нечто весьма специальное. Вадик впал в какое-то подобие транса. Перемещение в это состояние нельзя было назвать приятным. Сначала на голову навалилась какая-то тяжесть, до боли знакомая, но в тот момент ему было не до воспоминаний. Он с трудом сдерживал рвотный позыв. Вадик вцепился в край стола, ему показалось, сто он сейчас проломит пальцами толстую древесину стола.

— Эй, ты как нормально? – на прилегшего, на стол Вадика с испугом смотрели все пять членов комиссии. Говорил вроде Некрасов. – Может, стоит перенести экзамен на завтра?

– Нет, не стоит, я в полном порядке, – Вадик выпрямился. Он обвел взглядом присутствующих. Тошнота прошла, как и тяжесть, но остался лёгкий туман в глазах, что-то

наподобие тонкой плёнки. Он смотрел сквозь эту плёнку, и чувствовал себя не просто превосходно, он чувствовал себя уверенно и самое главное он знал, то он знает, знает всё...

– Ну, тогда... – Некрасов достал небольшой блокнот. – Пожалуй, пора начать. Для начала, как и всегда, пройдемся по технической стороне вопроса. Я буду называть название, а ты Вадик хотя бы приблизительно шифр вентиля.

– Я готов.

Некрасов кивнул и посмотрел в блокнот.

– Острый пар

– Ноль два. – Ответил Вадик и нисколько не удивился, ему не надо было сидеть и вспоминать, что написано в тетрадке, он не видел перед собой ответов, он просто это знал и по другому объяснить свои знания он не мог.

– Промышленная вода.

– Семнадцать.

– Слив с аппарата.

– Семьдесят три.

Так продолжалось около минуты, за это время Некрасов успел спросить не меньше двадцати вентиляей, и столько же раз утвердительно кивнуть головой. Вадик внешне не проявлял никаких эмоций, так и должно быть, и он сам в это верил.

– Ну, я думаю достаточно по шифрам, – Некрасов вопросительно посмотрел на комиссию, все кроме тетки из отдела техники безопасности, дружно кивнули. – Нарисуй мне

обязку четвёртого мерного бака и расскажи географию нулевой отметки.

Некрасов вырвал листик из блокнота и протянул Вадиду. Хотел дать и карандаш, но Вадима была ручка, и он в течение минуты нарисовал на листике прямоугольник, от него как ноги у паука разбежались несколько линий, символизирующих трубы. На них Вадик символично изобразил вентиля и подписал номера. Стрелочками возле номеров вентиля он указал движение продукта. На всякий случай над прямоугольником он написал номер аппарата и расположение. На минусовом этаже.

– Хорошо, даже очень, – сообщил Некрасов, как будто этого и так уже не было понятно. – Придаться не к чему. Ну, теперь расскажи мне про географию нулевой отметки.

Не сбившись ни разу с ритма, Вадик рассказал о расположении аппаратов на нулевой отметке, об их назначении, объёме, порядке следования продукта, даже упомянул и о трубном коридоре, который был закрыт, задолго до того, как Вадик пришёл на завод.

– Ну, что ж у меня большие вопросов нет, если кто-то желает, что-то спросить, то он ваш.

– Вадик, – заговорил недовольный своим местонахождением начальник цеха. – Хотелось бы услышать о предназначении комплекса ПИ и отделения 35, думаю это необходимо знать, хотя бы для общего развития.

– Нет ничего проще, – заговорил Вадик. – Отделение ПИ

создано для очистки газов, что в большом количестве скапливаются в печке, пройдя несколько степеней очистки, газы, минуя, если нет необходимости водяной фильтр, проходят проверку на дозиметрической вышке. Если нет опасности, выбрасываются в атмосферу, а если есть хотя бы небольшое загрязнение, всё возвращается на повторный круг.

– Хорошо, а куда девается конденсат?

– Конденсат, некоторое время накапливается, а затем сбрасывается в промышленную канализацию и по подземным трубопроводам отправляется в семнадцатый водоём.

– Отлично, а теперь про отделение 35...

– Отделение 35 это хранилище конечного продукта печки – высокоактивного стекла. Стекло в жидком состоянии заливается в специальный пенал...

– Достаточно, – начальник цеха прервал искромётное выступление Вадика. – У меня больше вопросов нет.

– У начальника смены есть вопросы? – спросил Некрасов.

– Мы с ним ещё по ходу работы разберёмся, – Николаич состряпал серьёзное лицо, но было видно, что он доволен.

– Инженер технолог.

Мужчина серой внешности, как будто очнулся ото сна, он вздрогнул и посмотрел вокруг удивлёнными глазами. Всё-таки Вадик ожидал, что всё будет несколько серьёзней. Из-за плёнки, нависшей над глазами, он не ясно видел лиц своих экзаменаторов, но чувствовал, что они как минимум шокированы. Определённо никто не ожидал от него такой пры-

ти. Николаич, тот вообще, скорее всего, был уверен, что Вади не сдаст ничего, он же прекрасно понимал, что Вадик по большей части дрыхнет в архиве, а не учит ничего. Как всё-таки классно, что всё оно вот так вот получилось, что-то снизошло на него свыше. Стоит, конечно, разобраться, что именно, сверху или снизу, или кто-то помог с середины, но на это будет достаточно времени после экзамена

– Да... Вадик, как можно нейтрелизовать щёлочь и кислоту.

Спросить у Паши.

Оставшиеся десять минут его спрашивала женщина из отдела безопасности труда. Он успел ей рассказать о спецодежде, о том, что на щите нельзя курить, о том, где курить можно. Она великодушно предупредила его, что нежелательно ходить зимой по тем местам, где не посыпано песком, а если выпадает такая необходимость, то быть крайне аккуратным. Ещё она спрашивала, какого типа огнетушители у нас на заводе, и что делать при пожаре. Потом она перешла к оказанию первой помощи пострадавшим сначала от ожога кислотой, потом щёлочью, потом огнём, потом спросила, что делать при поражении током. И так далее и тому подобное. Вадик потерял счёт времени, вопросам. Он уже понял, что экзамен подходит к концу, и чем ближе, тем сильнее становилась пелена на глазах, всё менее прозрачной становилась плёнка...

– Очнись, друг! – Эдик тряс его за плечо – Ты пугаешь меня парень.

– Отстань от него! – услышал Вадик второй голос. Анатолий Петрович, узнал он. – Парень перенапрягся, небось, всю ночь учил.

Вадик с трудом открыл глаза, такое ощущение, что не спал ночи две. Если взять сон что приснился ему позавчера на работе, то насколько он был бодр после того сна, настолько же разбит сейчас. Он с трудом вспоминал экзамен. Помнил только голоса, но что они конкретно говорили, и что он сам отвечал, Вадик категорически не мог восстановить в памяти. Действительно остаётся надеяться, что он просто переволновался, и вся эта пелена не больше, чем метод организма бороться со стрессом. А та тяжесть... Тяжесть! Он вспомнил, откуда она. Тот странный сон, там тоже была такая же тяжесть, там она правда сковывала не только голову, но весь организм, но то был сон. А сейчас, неужели тоже сон, и он не ходил сдавать никакой экзамен. Вадик посмотрел вокруг, наверное, взгляд у него был не слегка безумный, потому что Эдик отстранился от него и довольно резко.

– Сколько времени? – почти выкрикнул вопрос Вадик. – Я проспал экзамен!

– Ты это чего? – Эдик продолжал потихоньку отдаляться от Вадика. – У тебя, как с головой всё в порядке. Ты только скажи, мы быстро вызовем врача...

– Да заглохни, придурок! – рявкнул в сторону Эдика Ана-

толий Петрович. – Сходи, принеси холодной воды, и жёлательно молча.

Если честно, Вадику не очень хотелось оставаться с ним наедине, хорошо, если на щите есть ещё кто-нибудь, но это крайне маловероятно, при том, что происходит с ним, при таких событиях сидеть, как минимум, не видя, что происходит, невозможно. Вадик и сам, случись на его глазах такая фигня, не смог бы не подойти, хотя бы ради интереса. Значит, никого больше нет, и такое чувство, что Эдик не вернётся с водой, причём до конца смены.

– Успокойся, ничего ты не проспал. Ты минуту назад зашёл на шит, и скажу тебе выглядел ты весьма и весьма странно. Не подозрительно, но всё же странно.

Не проспал, значит, что-то было, и если верить странным смутным отрывкам из сна, то он что-то отвечал, а вдруг сдал. На Вадика навалились странные чувства собственно превосходства над окружающими, чувство обладания чем-то таким, от чего не посмеет оказаться даже самый богатый на планете, но у него, у Вадика оно есть.

– И как оно прошло? – надеждой в голосе спросил Вадик, понемногу приходя в себя.

– Обычно они сообщают о результатах минут через пятнадцать, но ты вошёл с таким лицом, что я просто не знаю, что и думать. Мне показалось, что тебя сейчас вырвет, будет поласкать ещё минут двадцать, пока не вылетят кишки, и ты не превратишься в подобие мумии.

– Красноречиво, – только и смог выдать из себя Вадик. Он отчётливо почувствовал, как к горлу подходит комок желчи. Вадик наклонил голову и закрыл глаза. Он окончательно растерялся, он не помнил, как прошёл экзамен, не понимал, почему у него такое ненормальное состояние. Неужели на него так сильно подействовал предстоящий экзамен, что он даже по его завершению не может прийти в норму.

Неожиданно на щите зазвонил телефон, у Вадика по спине пролетел холодок, он точно знал кто это. Аппарат старого образца звонил противной высокой трелью. Вадик вздрогнул, на что Анатолий Петрович похлопал его по спине и сказал:

– Расслабься, не принимай так близко к сердцу, я сам подойду. Это, наверняка, насчёт экзамена.

Ну, и зачем он это сказал, как будто Вадик сам этого не знал. Только масла в огонь подлил. Однако в ответ Вадик ничего не сказал, только изобразил на губах небольшую растянутость, отдалённо напоминающую улыбку, хотя Анатолий Петрович, скорее всего не догадался о предназначении этого мимического жеста.

– Алло, – донеслось до Вадика через тысячи шумов в голове. – Да, конечно, он здесь, где ему ещё быть. Да нет, просто волнуется, – Анатолий Петрович посмотрел на Вадика и подмигнул. – Да, я скажу ему. Хорошо, до скорого.

Оператор повесил трубку и посмотрел на Вадика. Вадика, конечно, могло и показаться, но, вроде бы Анатолий Петро-

вич улыбался.

– Иди, громко, – сказал он, не отходя от телефона.

– Куда? – прохрипел Вадик.

Удивительно, но он был услышан.

– Куда, куда... К начальнику, конечно, сейчас тебе сообщат чего ты на самом деле стоишь.

Вадик несколько секунд переваривал информацию. Соображал он крайне медленно, надо встать и пойти, но ведь это невозможно, я не в состоянии не то, что встать и пойти, а просто ровно сидеть. А если ещё мне скажут, что-нибудь нелицеприятное, я прямо там, в обморок брошусь. Волнение поднимется, зато в следующий раз будут мягче с очередным клиентом. Жертва, он точно решил, что станет жертвой. И пусть его запомнят. Вадик собрал волю в кулак и резко стал. Мозги в голове, со всего размаху ударились о черепную коробку, Вадика повело в сторону, но он удержался, схватившись за спинку стула, на котором сидел ещё секунду назад.

– Может тебе помочь? – заботливо поинтересовался Анатолий Петрович. Вадик и не заметил, как тот опять оказался совсем рядом. – Или перезвони и спроси по телефону, скажи, что не в состоянии дойти до кабинета, переволновался самую малость.

– Нет, – Вадик постарался говорить, как можно твёрже, но чувствовал, что изо рта вываливается только каша. – Я должен сам дойти.

Вадик нетвёрдой походкой направился в сторону двери.

Он не без труда нащупал ручку и вывалился в коридор. Не успел он сделать и несколько шагов, как его состояние потихоньку стало улучшаться. Сначала прояснилась голова, а потом незаметно ушла тошнота. К тому моменту, когда он потянул за ручку двери, ведущей в кабинет Некрасова, ему стало настолько хорошо, что он едва не подпрыгивал от свалившейся на весь организм лёгкости.

Глава 3

Причину смерти, так и не удалось установить, грустным голосом сообщил диктор. Для проведения повторной экспертизы, были вызваны несколько специалистов из областного криминалистического центра. Но и они вразумительного ответа дать не смогли. Темы трёх трупов тревожила весь Заозёрный. Были установлены личности всех троих, никакой связи между покойными следователи не нашли, они не были знакомы. Как получилось так, что они покинули мир приблизительно в одно время, находясь, приблизительно в сотне метров друг от друга.

Город обсуждал произошедшее, деля различные выводы и строя гипотезы, иногда абсурдные, поскольку нормального объяснения этому пока не нашли. Доходил до того, что некоторые в истерике заявляли, что виновато в гибели предприятие по переработке ядерных отходов, дело чуть не дошло до истерии. Но вовремя вмешавшиеся врачи и физики объяснили, что радиационного заражения у мужчин не было, равно как и следов сильного облучения, которое могло повлечь за собой такую внезапную смерть. Однако стало лишь чуть-чуть потише, версия продолжала витать и обрастать новыми слухами. Говорили так же что мужчины пали жертвой нового вида насекомых, некоего вида мутировавшего клеща. Предполагали, что ранка, благодаря действию яда

быстро затягивается или же лопухи-врачи просто не смогли найти места укуса. Некоторые утверждали, что видели этого самого клеща и что на спине у него, в отличие от энцефалитного не крест, а треугольник или квадрат. Эта версия к счастью оказалась не такой живучей.

Вадик не строил никаких предположений, ему было не то, что бы всё равно, но его не настолько заботили мёртвые, насколько живые. Прошла ровно неделя, как он сдал пресловутый экзамен. Он уже давно не вспоминал ни о том состоянии, в котором он отвечал на вопросы комиссии, ни о странном сне, незадолго до экзамена. Он хорошо понял хвалебные слова из уст Некрасова и остальных членов комиссии. Некрасов сказал, что на его памяти мало кто сдавал экзамен мало того, что с первой попытки так ещё и показал при этом серьёзные знания. Видно, что Вадик основательно подошёл к делу, разговаривал с операторами, много учил, не раз бегал на отметки. В конце разговора. Некрасов пожал ему руку, пожелал удачно работать и высказал пожелание увидеть нового оператора в лице Вадика. Последний несколько не смутился, принимая комплименты, он вполне справедливо полагал, что заслужил подобное обращение, поскольку пережил такое, что и врагу вряд ли пожелаешь. Ну, кто ещё скажите, может сдать экзамен, в принципе на отлично, когда желудок так и норовит вывернуться наизнанку. С лёгким сердцем Вадик вернулся на шит и принял поздравления от своих теперь уже коллег, поскольку он сам теперь гордо именовал-

ся аппаратчик участка по очистке и переработке материалов. Он, как и водится в данной ситуации, поставил на смену чай и торт, за что получил ещё толику благодарности. Отныне Вадик со спокойной душой смотрел на работе телевизор, читал книги, ну и работал само собой.

День, когда всё изменилось окончательно, начался как обычно. Смена с утра, автобус на шесть часов. Вадик в спешке заваривал кофе, вполголоса подпевая музыкальному каналу, обычно будившему его по утрам. Пока закипала вода, он пытался найти носки, которые как обычно закинул вечером в такое место, где будет нетрудно найти утром. Оказалось, что трудно и Вадик залез в шифоньер в поисках новых, там оказалась последняя пара. Надо устроить стирку, там должно быть много одежды, не только носков. Он не стирался не меньше месяца, вот как отвлёк его от жизни чёртов экзамен. Вадик натянул носки, как раз в этот момент подоспел кофе. На часах пять тридцать, времени ещё предостаточно. Остановка прямо возле его дома, меньше трёх минут быстрым шагом. Вадик наполнил кружку кипятком и посмотрел в тёмное окно. Там отражался молодой человек, выглядевший немного старше своих двадцати трёх, но это несколько не портило его, как не испортило бы никакого мужчину. Вадик прищурился, отражение ответило тем же, Вадик поднёс ко рту кружку, его двойник по ту сторону стекла то же пригубил горячего тёмного напитка. Пора заканчивать пить кофе в компании недопризраков, нужна живая кампа-

ния. Вадик больше трёх месяцев тому назад расстался с девушкой, трудно сказать от кого исходила инициатива, наверное, от обоих, но первый шаг назад сделала всё-таки она, первый осознанный шаг. Вадик не жалел о потере, он знал, история с Вероникой должна была закончиться, причём именно таким образом. Они слишком разные. Неправду говорят, что противоположности притягиваются, люди не бездушные магниты, у них должны быть точки соприкосновения. У них Вероникой было их слишком мало. Первые несколько дней ему не хватало, только не самой девушки, а скорее ощущения кого-то рядом, он просто привык, что рядом кто-то есть и частенько вздрагивал, когда вместо Вероники видел просто пустоту. Так продолжалось не дольше пяти дней, а потом пришла новая привычка – отсутствия кого-либо, кроме вечного второго я в окне по утрам.

Глядя на часы, Вадик сделал последний глоток и, натянув верхнюю одежду, выскочил на улицу. Как только он открыл подъездную дверь, ему в лицо ударил холодный ветер. Вадик зажмурился, натянул шапку пониже и, наклонив голову, отправился путь. Ветер действительно был сильный, пару раз пришлось остановиться и перевести дыхание. Один раз Вадика даже протащило чуть-чуть по ледяной корке, образовавшейся на асфальте. Он постарался прибавить немного скорости, и вскоре был на остановке. Вадик спрятался от ветра за железной конструкцией, где уже ждали автобуса несколько человек. Он никого не знал лично, хотя и ра-

ботал с ними на одном предприятии. Люди стояли, засунув руки в карманы, и не поднимали глаз, холодный воздух делал своё дело. Автобус, слава богу, не заставил себя долго ждать и возник в свете жёлтых фар, не больше, чем через пару минут, как Вадик начал медленно, но верно замерзать. Он, несмотря, что пришёл на остановку последним заскочил в транспорт первым и строился на сиденье ближе всего расположенным к печке. Он сжался в тугую пружину, но вскоре начал расслабляться, всё-таки в автобусе ветра не было, и воздух был во много раз теплее, чем на улице. Вадик закрыл глаза, гудение мотора и мерное покачивание в конце разморило, и он ненадолго провалился в сон.

По прибытии на работу. Вадика толкнул в плечо, сидевший рядом, небольшой мужичок.

– Вставай, а то он тебя в гараж увезёт.

– Ага, спасибо, – Вадик потянулся и посмотрел в окно, но не увидел ничего кроме белых морозных узоров.

Где они сейчас было сложно понять, но Вадик знал, что сидящий перед ним выходит на его остановке и надо ориентироваться на него. Пока Вадик всеми силами пытался понять, зачем люди носят такие объёмные шапки, мохнатость некоторых в пару раз превышала размер непосредственно головы. Но при этих исполинских размерах, как-то не укладывалось, остаются открытыми одна из самых слабых частей тела – уши. И какой смысл в такой объёме, если один чёрт отит обеспечен. Неужели не проще натянуть лыжную шапоч-

ку, можно купить утеплённую, она и лоб, и затылок, и уши от ветра прикрывает. Непонятно. С другой стороны, какая ему разница, дело, наверное, вкуса, а не здравого смысла.

Наконец автобус замедлил ход, а потом и вовсе остановился. С лёгким шипением двери впустили холодный воздух, Вадик глубоко вздохнул, и, втянув голову в плечи, отправился навстречу недружелюбному ветру. Передвигался он почти бегом, завод по большей части находился в лесу, где ветер почему-то дул сильнее, заставляя людей передвигаться со скоростью намного превышающую повседневную. Щёки слегка защипало, когда он зашёл в тёплое помещение санпропускника. Вадик поёжился и прошёл в небольшую всегда открытую дверь, за которой располагались несколько сотен одинаковых бледно-желтых шкафчиков, некоторые из которых были пронумерованы, другие подписаны фамилией владельца. Вадик уверенно прошагал в третий ряд. По пути он увидел несколько знакомых, автобус, забиравший людей в другой части города, приезжал на несколько минут раньше и многие его коллеги были уже здесь.

Быстро переодевшись и накинув на плечи телогрейку, Вадик отправился на выход. До цеха необходимо идти по улице около десяти минут. Но тут он вспомнил, про мерзкий холодный ветер, и решил пойти обходным путём, по подземным коридорам и наземным галереям. Путь этот займёт в два раза больше времени, зато никакого дискомфорта, никакого холода. На работу он, в принципе не опаздывает, так

что время прогуляться есть. Сменные работники пребывали на работу, на пару часов раньше дневников и Вадик не волновался, что встретит кого-нибудь из начальства. И тот начнет интересоваться, почему он шарахается не на своём рабочем месте. Вадик бегом взбежал на второй этаж и начался его длинный путь на работу. Он вышел в первую галерею, света почти не было, горели только дежурные фонари, но их тусклого света вполне хватало, что бы не запнуться о неожиданный порожек и вовремя свернуть в правильное ответвление. Вадик то спускался, то поднимался по лестницам, спустя минут пять он прошёл как минимум три наземные галереи и один подземный коридор, и как раз спускался в третий, когда ему показалось, что впереди кто-то идёт. Он не слышал шагов, поскольку мягкое антипожарное покрытие и рабочие ботинки на резиновой подошве не издавали практически никакого шума. Вадик остановился и вгляделся в полумрак длинного коридора. Несколько лампочек перегорели, и видимость была, как минимум, отвратительная. Но он готов был поклясться, что там кто-то есть. Ну, даже если и так, это же завод, тут полно работников. Кто-то впереди его идёт на своё рабочее место. Но что-то подсказывало Вадика, что всё не так просто. Может предчувствие или ещё что, называйте, как хотите, но у Вадика по спине пробежал холодок, он остановился и стал старательно вглядываться в длинный коридор. Сначала он ничего не видел. Впереди были не меньше тридцати метров, а потом поворот направо.

Тусклого освещения не хватало и наполовину. Но потом Вадик уловил лёгкий чавкающий звук. Как будто кто-то неаккуратно поглощал обед. Вадик перестал дышать, ему казалось, что сердце стучит громче парового молота. Но потом несколько раз вдохнув и немного успокоившись, он усмехнулся, ведёт себя как маленький. Это наверняка вода капает из трубы или с крыши, больше это ничего не может быть. Вадик, ступая как можно тише, направился вперёд. Ничего не видно, как он и предполагал, просто вода, правда не видно где накапало, но он и не собирался задерживаться, что бы устранить течь, а потому и не стал искать.

Вадик обернулся, сзади тоже никого не было, и тут он краем глаза заметил движение, Вадик посмотрел вперёд и заметил, как в темноте в десятке метров от него мелькнул белый цвет, комбинезон сообразил он. Кто-то впереди спешит на работу. Вадик прибавил шагу и спустя полминуты свернул в новый коридор, плавно уходящий под землю. Здесь освещение было несколько ярче, и Вадик сразу узнал впереди идущего. Анатолий Петрович, Вадик не сомневался ни секунды что это именно он и уже хотел окликнуть его, но остановился. Это несомненно был Анатолий Петрович. Но вот что с его походкой. Одну ногу он волочит, словно она сломана в нескольких местах. Руки безвольно болтаются вдоль туловища, голова наклонена на левый бок, и тоже покачивается в такт тянущимся шагам. Казалось, что оператора недавно переехало тем самым автобусом, на котором

он приехал на работу. Но с расстояния в несколько метров Вадик не видел на белом комбинезоне крови, да и Анатолий Петрович уверенно двигался вперёд, вряд ли он смертельно ранен. Вадик некоторое время стоял, разинув рот, он никак не ожидал такой картины. Может ему плохо, мало ли как могло заклинить, но одного предположения было мало, что бы Вадик немедленно кинулся на помощь. Что-то удерживало его оттого, чтобы подойти и помочь человеку. Вадик почти на сто процентов был уверен, что Анатолию Петровичу сейчас не нужна его помощь, более того, ему сейчас и не плохо вообще.

Вадик сбавил скорость, что бы не приближаться к хромящему оператору и потихоньку продвигаясь вперёд, продолжал наблюдать. Анатолий Петрович напоминал ему сейчас какое-то упёртое насекомое, которое отчаянно рвётся к своей цели. Оператор ни разу не оглянулся, Вадика это вполне устраивало, ему не хотелось ни разговаривать, ни даже интересоваться, как дела у, поскольку дела, видимо, идут странно, иначе и не скажешь. Мини-процессия преодолевала метр за метром бетонных коридоров, Анатолий Петрович ни разу так и не остановился на отдых, зато до Вадика стало доноситься его тяжёлое дыхание, так дышать здоровый человек не может, а Вадика опять возникло желание подбежать, схватить за руку, помочь. Подсознание, однако, упорно сопротивлялось этому факту, мигая красными лампочками и умоляя вообще остановиться и подождать, пока это, именно это,

уйдёт подальше, и спокойно продолжить путь, как будто так оно и было. Но любопытство брало вверх, в первую очередь интересно дойдёт ли он вообще, а если вдруг упадёт, то Вадик будет рядом и сможет помочь, хотя бы доберётся до телефона и вызовет медиков, а во-вторых, Вадик просто нутром чувствовал, что не спроста Петровича так скрючило, что-то за этим кроется. Что именно и хотелось выяснить. В конце концов осталось идти долго, скоро цех, осталось буквально несколько сот метров.

Они свернули в очередной коридор, здесь на длинный, никак не меньше тридцати метров горела всего одна лампа, да и та мигала, пытаясь дать понять, что пора бы и меру знать. На какую-то секунду Вадик потерял из вида объект наблюдения, и так и не увидел больше. По всем расчётам Анатолий Петрович должен был уже выйти на свет одинокой лампы дневного света, но никого не было, не мелькнуло ни единой тени, не был слышно шаркающих шагов и тяжёлого дыхания. Вадик остановился как вкопанный, так не бывает... Он, стараясь быть тише мыши перед спящим котом, стал продвигаться вперёд на свет. Он боялся запнуться о упавшее тело, но на полу никого не было. Вадик был готов поклясться, что Анатолий Петрович не проходил под лампой, а, следовательно, остался где-то в тёмном промежутке, до освещённого участка. Вадик стоял в круге света, понимая, что он сглупил, что Анатолий Петрович остался позади и сейчас, скорее всего смотрит ему в спину и усмехается. Вадик без труда

представил эту картину и сплюнул на пол.

– Хватит! – сказал он вслух. Слова эхом покатались под невысоким полком. Но никто не ответил. Вадик подождал несколько секунд и сказал уже громче. – Совсем не смешно...

Но в ответ, кроме сухого электрического треска погибающей лампы так и не дождался. Вадик стоял в нерешительности посреди длинного коридора, не зная, что ему предпринять. Он чувствовал себя персонажем трэш-фильма ужасов, стоит ему только войти в темноту, как на него кинется какая-нибудь тварь, которую из-за темноты, а точнее из-за отсутствия денег на спецэффекты разглядеть не удастся. Он, само собой, понимал, что это глупо и, скорее всего, он просто не заметил, как Анатолий Петрович прошмыгнул по светлomu пятну, кто знает, может ему резко полегчало, и он поспешил на щит. Пока опять не скрутило все суставы. Но это не так и Вадик это знал. Оператор не проходил под лампой, он остался там в темноте. И сейчас поджидает его, что бы напасть... Господи, Вадик сплюнул ещё раз, надо же себя так запугать. Он решил вернуться к началу коридора, а потом спокойно продолжить путь и списать всё это на обыкновенную странность. Мало ли чего не предвидится в темноте. Вадик медленно двинулся в обратном направлении, он внимательно осматривал, насколько позволяло освещение, каждый метр дороги, но не увидел ни кусочка, ни комбинезона, ни собственно самого оператора. Вадик пожал

плечами, что ж это далеко не первая странность, что случилась с ним на этом заводе, достаточно вспомнить, как он сдавал экзамен. Поэтому Вадик позволил себе расслабиться и в этот же момент увид узкую полоску света в стене по левую руку. Вот и ответ. Должно быть тут дверь, туда-то и просочился. Удивительно, что он раньше не заметил полоску света. А может её раньше и не было вовсе и свет в помещении за дверь включили только что. И тут до Вадика дошло. Включили только что, так как решили, что он ушел. Скорее всего, Анатолий Петрович знал, что Вадик крадётся за ним по пятам, но виду не подал, да бы не вдаваться в объяснения, а просто уличил момент и растворился в темноте за дверью. Ну, просто Алиса в стране чудес. Что ж вперёд за белым кроликом, точнее за кроликом в белом комбезе.

Вадик провёл рукой по шершавой поверхности стены, на пол посыпалась пыль. Вот петли, вот ручка, Вадик потянул на себя. Но дверь не поддавалась. А чего он собственно ожидал. Вадик попробовал толкнуть, но дверь осталась на месте. Вадик подёргал ручку ещё несколько раз и махнув рукой, развернулся и пошёл на свет. Что за дверь и что за ней забыл Анатолий Петрович, Вадик даже близко представить не мог. Ну да это его дело, хотя на заметку он непременно это возьмёт, и в следующий раз будет несколько внимательней. На всякий случай Вадик запомнил отметку, на которой располагался коридор, надо спросить у начальника смены, что за дверь там может быть, и ещё надо обзавестись фонариком,

и хорошенько там всё осмотреть. Пока Вадик шёл на щит он вывел множество предположений о том, что оператор мог делать за странной дверью, некоторые из них были настолько абсурдны, что Вадик сам, ухмыляясь, отверг их, а вот некоторые заслуживали внимания. Он предположил, что это какое-то рабочее помещение и Анатолий Петрович зашёл туда исключительно по своим обязанностям, но против этого предположения Вадик выступил сам же, здание не наше, чего он туда полезет у них своих операторов и аппаратчиков за глаза хватает. Но эта версия всё-таки многое объясняет, кроме состояния самого Анатолия Петровича. Что с ним случилось и почему, если ему было настолько плохо, он полез выполнять какую-то работу, да ещё и не в своём здании. Быть может, у него там с кем-то назначена встреча, но что за секретность, ну не с женщиной же он встречается на самом деле. Глубоко озадаченный Вадик зашёл на щит и, не поднимая головы, прошёл к своему сейфу.

– Привет, Вадим! – раздался знакомый голос.

– Привет, – автоматически вырвалось у Вадика, ещё до того, как до него дошло, что с ним поздоровался Анатолий Петрович.

Вадик не стал поворачиваться к нему, не хватало ещё, что бы он заметил, насколько Вадик удивлён, да что там удивлён, он просто в шоке. Он знает, он знает, что я шёл за ним и теперь издевается. Вадик механически совершал манипуляции с ключами, никак не попадая в скважину. На-

конец ему повезло, и ключ вошёл, Вадик повернул его против часовой стрелки и, вытерев неожиданно появившийся пот, открыл дверь. Делать было нечего, он должен взять свою кружку и подойти к Анатолию Петровичу, поскольку чайник прямо возле него. Вадик не спешил, он медленно положил в кружку пакетик с жёлтым ярлычком и насыпал две с половиной ложки сахара, сделал вид, что с интересом разглядывает банку из-под маринованных огурчиков, в которой он возил на работу сахар. И всё тянуть дальше смысла не было. Вадик повернулся в сторону оператора замер на месте от удивления. Анатолий Петрович направлялся к нему бодрой походкой, насколько позволял ему возраст. Нога больше не волочилась, руки, мало того, что не висели безвольно, так ещё и в одной он нёс чайник, а в другой свою кружку.

– Садись, чайку попьём, – предложил оператор, присаживаясь за стол возле телевизора. – Давай наливай, пока не остыл.

Он ведёт себя как будто ничего не случилось. Но Вадик преисполнен уверенностью – Анатолий Петрович в курсе, что Вадик видел его в таком состоянии, и что Вадик нашёл дверь. Вадик уже решил для себя, что больше никогда, какая погода не была, не пойдёт по коридорам лучше замёрзнуть, чем попасть в лапы не совсем нормальному человеку, в лучшем случае человеку. С другой стороны если узнать, что за дверью, то много вопросов сразу отпадёт, если окажется что, как всегда решение проще, чем рисует возбуж-

дённая фантазия. Но вот как Анатолий Петрович оказался раньше его на щите. Это легко объяснить, пока Вадик тор-мозил в поисках двери, он мог несколько раз сходить на щит и вернуться, он прекрасно знает географию и ему не пред-ставляет особого труда скосить себе путь.

– Чего застыл, аки статуя? – невинно поинтересовался Анатолий Петрович. – Заболел что ли? Побледнел как-то.

Вадика показалось или в голосе звучала усмешка.

– Да нет, нормально всё... – Вадик не знал, что ещё доба-вить.

– Ну, раз нормально, садись чай пить.

Анатолий Петрович приложился к кружке.

– Вадик ты не в курсе, кроме нас сегодня на работу кто-нибудь придёт, не хотелось бы одному за процессом следить.

Хотелось, что бы пришли поскорее, подумал Вадик, но вслух сказал:

– Не придут и не придут – он старался говорить, как мож-но непринужденнее. – Неужели мы сами не справимся. Се-годня ничего особенного не должно происходить, осталось только за ночной хвосты доделать и всё.

– Всё равно одному неохота на щите сидеть.

И, как будто исполняя его желание, скрипнула входная дверь, и в помещение ввалился Эдик. От него веяло холо-дом, видать шёл по улице.

– Лучше бы пошёл по коридорам, ветер просто с ног сби-вает!

И начался совершенно обычный трудовой день цеха 23, завода номер 35. Эдик полсмены жаловался на отвратительную погоду, Анатолий Петрович, как всегда молча сидел в сторонке, и зачем ему нужна была кампания на щите, всё равно ни с кем не общается. Видимо, искал тему для разговора, надеялся, что Вадик сам выдаст себя. Но не тут то было, Вадик молчал как рыба, он даже не спрашивал про дверь на минусовой отметке, за которой утром исчез оператор. Он изредка поглядывал на Анатолия Петровича, но старался близко не подходить к нему, и не заговаривать. К середине дня, когда события недавнего утра немного поплёкли, и Вадик трезво посмотрел на события, он был почти уверен, что за дверью находится короткая дорога на щит, и ничего другого там быть не может. Он решил выяснить это наверняка и подошёл к Серёге Елисееву и спросил, про дверь на отметке минус один, в третьем корпусе. Тот надолго задумался и сообщил, что не может знать всего, и лучше всего будет, если он покажет непосредственно саму дверь, хотя и неохота терять время на это поскольку здание всё равно не наше и заботы соответственно тоже. Но вскоре подозвал к себе Вадика.

– Слушай, я спросил у начальства, они тоже ничего не в курсе, что за дверь такая, надо бы сходить туда проверить, переписать номер и посмотреть на планах.

– Мне сходить? – спросил Вадик.

– Вместе пойдём. Мне надо быть уверенным во всём, мо-

жет быть на месте я ориентируюсь лучше, и не придётся на-
прягаться без повода.

Это хорошо, что он так решил, а то Вадик не очень то горел желанием возвращаться на место расставания Анатолием Петровичем, несмотря на то, что сейчас в разгаре день и на улице светит солнце, ярче от этого на минусовой отметке не станет. Так как горела одна лампа, так и будет гореть.

– Ещё, электрика надо взять, ты сказал, что там только одна лампа работает.

Вадик кивнул.

– Не наша конечно, территория, но у них оператор и аппаратчик на больничном, так что они будут только благодарны за подобное вмешательство, – Сергей улыбнулся. – Давай подходи через час, сразу после обеда и пойдём.

В назначенное время Вадик ждал возле кабинета. Елисей вышел оттуда на пять минут позже, чем договаривались, вместе с дежурным электриком, который под мышкой нёс несколько ламп дневного света. Они о чём-то говорили, даже немного спорили, Вадик решил не вмешиваться, а просто показывать дорогу. Спустя несколько минут, преодолев несколько сотен метров, они были на месте. У Вадика от этого места по коже побежали мурашки. Он опять чётко представил плетущегося Анатолия Петровича, свешанную на бок голову, хлюпающие звуки. Вадик незаметно поёжился, благо скрыть это было нетрудно, перегорела последняя лампа, и темнота не позволяла рассмотреть ни дверь, ни даже сте-

ны. Начальник смены включил приготовленный заранее фонарь и Вадик, наконец, смог разглядеть в подробностях таинственную дверь. Увиденное ему совсем не понравилось. Он знал, что обозначает код из четырёх цифр, написанных красной краской, повышенная радиационная опасность. Законсервировано на неопределённый срок, проход запрещён, угроза жизни. Для всех, но не для Анатолия Петровича. Опять в голову полезли безумные мысли, неужели он ходит туда подпитаться радиоактивным излучением, подобно героям американских комиксов. Но это невозможно, тогда и его одежда давала бы такой фон, что не то что светился, а просто сверкал на каждом углу и каждый дозиметрический прибор верещал без умолку, стоило «грязному» оператору оказаться в пределах действия датчиков. А это могло означать только два варианта, или Анатолий Петрович туда не заходил, или там чисто. Первый вариант отпадает сам собой, второй, вполне вероятно,, вполне вероятно, что помещение за дверью загрязнено не полностью и Анатолий Петрович знает об этом. Но только вот зачем он ходит туда и что он там делает, осталось загадкой ответ, на которой находился далеко, а точнее за стальной перегородкой, которую здесь называли дверью, в полметра толщиной.

– И что это за дверь.

– О ней давно забыли, неудивительно, что я сразу не сообразил. – Сергей замолчал. А когда он продолжил, Вадик не мог больше ни о чём думать, кроме того, как по-

пасть по другую сторону. – Это случилось давно, когда только завод начинал работу, нашего здания тогда не было, оно едва ли планировалось на чертежах. Там, – он указал на дверь, – была первая печка, по переболтке отходов. Экспериментальный образец... Но случилась авария, сильный направленный взрыв. А помимо самой печки, там был щит подобный нашему, только располагался намного ближе к печке. Все кто были в тот момент на щите, семнадцать человек погибли в один момент, считается, что они погибли, но проверять этого никто не стал, в срочном порядке, что бы скрыть следы неудачи от общественности объект был изолирован и закрыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.